

Владимир Сергеевич Люблинский

ВОЛЬТЕР и «МУЧНАЯ ВОЙНА»

Из ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ и МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник статей в память академика Е.В.Тарле
М.: изд-во АН СССР. 1957. С.135-147

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Среди необозримой литературы о воззрениях и произведениях Вольтера едва ли не менее всего уделялось внимания его выступлениям, связанным с учением физиократов. В частности, не говоря уже об отсутствии всестороннего анализа «романа» о «Человеке с 40 эю» (произведения с крайне многоплановой тематикой и достаточно противоречивой авторской концепцией), не посвящено, насколько мы знаем, ни одного исследования и гораздо более прямолинейному вольтеровскому памфлету «Диатриба к автору „Эфемерид“».

Между тем «Диатриба» имеет для нас еще и тот особый интерес, что принадлежит к числу литературных источников (как известно, весьма скудных) о майских днях 1775 г., является одним из самых ранних откликов на события «Мучной войны». Крайне недостаточная документальная традиция об этом народном движении до самого последнего времени оставалась, можно сказать, непривлеченной историками, хотя они не раз пытались распутать загадку о так называемом «заговоре голодовки»¹. Свидетельства мемуарного плана тоже еще не обследованы и тем более не сопоставлены. Поэтому по-прежнему невозможно оставлять в пренебрежении литературные источники, и вполне закономерно стремление не упустить и крупницы привносимых ими фактических сведений. Тем более, что некоторой конкретностью деталей обладают только «Корреспонденции» Метра, тогда как «ручные новости» Пиданса — Башомона касаются эпизодов «мятежа» совсем вскользь, а если об интересах и заботах парижан в первую декаду мая 1775 г. судить по «Литературной переписке» Гримма, Мейстера, Дидро и т. д., то неизбежно создается впечатление, будто кроме бракоразводных процессов, пар-

---

¹ См.: L. Cahen. Le prétendu pacte de famine. Quelques précisions nouvelles («Revue historique», CLXXVI, II, sept.-oct. 1935, p. 173—216); его же. Le pacte de famine et les spéculations sur les blés («Revue historique», CLII, mai-juin 1926, p. 32—43); отчасти Fonçin. Essai sur le ministère de Turgot. Paris, 1877, и основную старую работу: Bioilly. Le pacte de famine. Paris, 1866.

Это относится и к освещению событий 1775 г. в трудах русских историков, ср. Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879; Г. Е. Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII в. Одесса, 1892; его же. Главные черты министерской деятельности Тюрго. Одесса, 1884.

За последнее время началось использование архивных материалов для освещения «Мучной войны», см. нашу заметку «Новые данные о майских волнениях 1775 г. в Париже» («Вопросы истории», 1955, № 11, стр. 113—117), а также G. Rudé. The outbreak of the French Revolution. «Past and Present». November 1955, № 8, p. 28—42, особ. 29 сл. и 40.

ламентских интриг, да выработки церемониала предстоящей коронации, ничего сенсационного в эти дни в Париже не произошло.

Только с этой — узкой — точки зрения мы и рассмотрим сейчас «Диатрибу» Вольтера, убежденные в том, что разбор комплекса вопросов «Вольтер и физиократы» в целом, при всей своей актуальности, далеко вышел бы за рамки статьи.

* * *

«Диатриба» обращена к автору «Эфемерид», т. е. к одному из усерднейших «экономистов», убежденнейшему проповеднику физиократических учений, аббату Бодо (Baudeau), издателю журналов «Ephémérides du citoyen» (с момента своего обращения из гонителя физиократов в их сторонника, т. е. с 1765 г. и по 1772 г.) и с 1774 г. «Nouvelles Ephémérides économiques»².

Помечена «Диатриба» в первоиздании 20-м мая и эта дата несомненно близка к действительному моменту написания памфлета; в письме к г-же Дю Деффан 17 мая 1775 г. Вольтер упоминает о нем, в надежде через несколько дней раздобыть его³. В 1775 г. вышло в свет не менее двух отдельных изданий⁴. Мы не располагаем точными данными о моменте напечатания, а о времени появления брошюры в Париже можем судить только на основании того, что «Mémoires secrets» упоминают о ней 6 июля. В августовской книжке «Mercure» появилась составленная Ла Гарпом выдержка из этой брошюры, и 19 августа последовало решение Совета, запрещающее это сочинение как «соблазнительное, клеветническое и противное почтению, должному к религии и ее служителям». Издателю брошюры Валлейру возбранялось дальнейшее занятие книготорговлей и печатанием, а цензор, разрешивший выпуск журнала с выдержкой из нее, исключался из числа королевских цензоров⁵. Этим дело не ограничилось, и в начале сентября, по требованию главного прокурора Сегье, парламент сделал строгое предупреждение автору выдержки и типографу и крайне ограничил право журнала помещать какие-либо отклики на подобного рода произведения с нападками «на религию, на правительство и на добрую память о наших королях». Если к этому мы добавим, что все же «Диатриба» была приложена к якобы «лондонскому» изданию романа «Похождения Женни» уже в 1776 г. и вошла в вольтеровские сборники «Evangile du jour» и «Nouveaux mélanges», то станет очевидным, что свою долю внимания брошюра Вольтера к себе привлечь сумела и была не лишена злободневности и опасных мыслей.

Что же содержала эта «Диатриба» и почему она не вплела новых лавров в венок бессмертия фернейского патриарха и не пролила света на события «Мучной войны», которым преимущественно посвящена?

С литературной точки зрения она отнюдь не уступает множеству иных публицистических выступлений Вольтера. На трех десятках страничек он

² Он высылал свой журнал Вольтеру; в недатированном (но безусловно относящемся к апрелю 1775 г.) письме последний благодарит Бодо за это. Письмо Вольтера было еще в мае того же года напечатано в «Mercure de France», ср. сноску Бешо на стр. 273 в 49 томе сочинений Вольтера под ред. Л. Молана. В Библиотеке Вольтера (в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) сохранилось несколько сочинений Бодо, имеются и «Эфемериды» за 1767—1771 гг., но «Новых эфемерид» нет.

³ Письмо № 9400. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 49. Paris, Garnier Frères, (1882), стр. 304. (Это — то самое издание L. Moland, которое упоминается в предыдущей сноске и на которое делаются ссылки в дальнейшем). Ср. ниже о письме к Вэню от того же числа.

⁴ См. G. Bengesco. Voltaire. Bibliographie de ses oeuvres, t. II, p. 308 сл., № 1834.

⁵ Там же см. перечень откликов на это решение уже в ближайшие дни.

разместил панегирик деятельности Тюрго, воспел значение земледелия в прогрессе человечества, свел счеты с авторами, неверно истолковывающими греческие мифы, воспользовался случаем напомнить об идеальном правлении Сюлли и повторно скрестить оружие с «Гадиной» — и все это лишь на полпути к реляции о «безумствах» противников свободы хлебной торговли.

Сюжет весьма несложен, но именно потому так трудно резюмировать содержание «Диатрибы», что сюжет служит лишь поводом к пропаганде и полемике.

Небольшой кружок земледельцев в провинциальной глуши усердно читает «Эфемериды» и старается с пользой применять их учения, заявляет Вольтер в начале. Если Беллуа⁶ кичится званием почетного гражданина города Кале (коим его удостоили за драму о героической странице в истории этого города), то, по мнению читателей журнала Бодо, последний заслуживает почетного гражданства целого мира. «Да, сударь, земледелие — основа всего». Так полагали и Ксенофонт и Катон. Даже и религия основалась не на чем ином, как на земледелии (и, вопреки иным знатокам мифологии, даже культ Вакха первоначально был вполне скромным!). Презирать пахарей могли разве какие-нибудь светские щеголи в Вавилоне (Вольтер даже обзывает их петиметрами). Что касается кельтов, то «мы населяли страну с более суровым климатом и менее плодородною, чем ныне», и за все времена вплоть до Людовика XIV лишь Юлиану Отступнику да Генриху IV «мы обязаны единственными светлыми днями».

Следует броская картина генезиса феодализма: варвары обратили в пожарища все поселения, а пахарей в рабов. Сделавшись христианами, дабы удобнее править христианским народом, варвары, укреплялись тем, что уступали земли монахам, которые в свою очередь оформляли владение актами, преимущественно фальшивыми. «Ныне это настолько общепризнано, что из 1000 грамот едва найдешь 10 подлинных. Монфокон, сам монах, признавал это». Отсюда в Германии целые церковные княжества, и отсюда же во Франции целые провинции, где земледельцы являются рабами монастыря⁷.

Описывая ограбление крестьян по праву «мертвой руки», Вольтер восклицает: «Можно подумать, что это обычай кафров или алгонкинов, но нет, то родина Лопиталья и Дагессо!... Когда злоупотребление пустило глубокие корни,— замечает он,— для его устранения требуется удар молнии»

Даже коммутация не привела к облегчению участи деревни, раздираемой то Столетней войной, то итальянскими походами, то неумеренной доблестью Франциска I, то религиозными войнами. Сюлли в 1598 г. застал большую часть земель в забросе из-за недостатка рук и средств к их обработке; Генрих IV обеспечил неприкосновенность крестьянского рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря от сборщиков налога и сумел накопить 20 миллионов экю, но эти богатства были расточены после его убийства.

«Вдова его, Мария Медичи, весьма плохо опекала добро своего подопечного Людовика XIII. Сей подопечный, прозванный Справедливым, распорядился убить у себя на глазах своего первого министра и посадить

⁶ Пьер-Лоран Бюретт (1727—1775), известный под именем Беллуа, один из создателей неприемлемого для Вольтера жанра буржуазной драмы, служил предметом ожесточенных его нападок на полях принадлежавших ему экземпляров драм Беллуа Об этом см. в нашей статье «Маргиналии Вольтера» в сб. «Вольтер. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1947, стр. 121 сл.

⁷ Намек на положение во Франш-Конте: известна борьба Вольтера за отмену крепостничества в земле Жекс.

в тюрьму свою мать — из желания угодить одному авиньонскому дворянину, каковой стал управлять еще хуже тех, а народу от этого не полегчало. Правда, он имел утешение скушать сердце маршала д'Анкара, но хлеба ему вскоре не хватило...»

Как видим, Вольтер остается верным себе и не упускает случая для издевки; трудно не согласиться с формулировкой приговора относительно непочтительности к доброй памяти о предках короля.

Франция возродилась (в оригинале сильнее: *paquit!*) лишь в годы совершеннолетия Людовика XIV. Кольбер отнюдь не приносил земледельца в жертву роскоши, как это утверждали не раз. Если Сюлли заслужил в «Диатрибе» всего лишь пару фраз, то благодетельность экономической политики Кольбера Вольтер обосновывает на ряде примеров, защищает его и от критиков, готовый «Королевскую десятину» Вобана (по его мнению. — Буагильбера) расценивать только как сатиру. «Он создал всё», но войны всё приостановили, а после смерти этого министра казалось, будто Людовик XIV ведет войну против своего собственного народа. «Чтобы защитить нацию, он был вынужден притеснять ее: нет более тягостного положения. Те же бедствия возобновились еще постыднее при войне 1756 г.»

«Спешу покинуть эту мрачную бездну, чтобы всмотреться в первые лучи более приятных дней, нам ныне возвещаемых. Прошу у Вас разъяснений по двум весьма важным предметам». Первый из них — ежегодные потери огромной части национального дохода вследствие чрезмерности и плохого распределения налогов. «Другая статья — это хлеб». Философским камнем финансового искусства Вольтер называет здесь секрет так снижать налоги, чтобы при этом возросли поступления; в Тюрго Вольтер видит «пример человека, более образованного, быть может, чем Сюлли, и с видами столь же широкими, как у Кольбера, но притом с большим запасом истинной философии за душой, чем у обоих вместе». Уменьшение в 1774 г. вдвое налога на свежую рыбу увеличило ее количество с 53 до 596 возов. Правда, при более широких масштабах возникнут новые трудности: «Механизмы, удачные в мелком размере, не всегда столь же эффективны в крупном — возрастает трение. А как чудовищны силы трения, вроде корысти, зависти и клеветы!»

Переходя наконец к пункту о хлебной торговле, Вольтер сперва заверяет, что этот предмет его касается лично, поскольку он сам возделывает землю — и тут же сочиняет прекомичный диалог с секретарем суда, якобы явившимся требовать, чтобы зерно продавалось согласно закону только на рынке в отдаленном городишке и чтобы паче всего ценилась справка об этой сделке; абсурдность доводов в пользу этой регламентации сбыва именно зерна, а не картофеля или каштанов, выпячена с истинно вольтеровской забавностью, но и с желчью: чем более общенесомненно продукт, тем свободнее он должен обращаться, а не то, будь вода и огонь товарами, торговлю ими, очевидно, стеснили бы всего сильнее.

Судейский секретарь посоветовал жаловаться министру (Террэ), сведущему как в божеских, так и людских законах, но даже от него удовлетворения автор не получил. Он, однако, прослышал о другом министре (не советнике парламента и не духовном лице), опубликовавшем эдикт, в силу которого, вопреки всем самым священным предрассудкам, любому жителю Перигора разрешено продавать и покупать зерно в Оверни, а любой житель Шампани получал право есть хлеб из пикардийского зерна.

Под липой, именуемой в народе *gosny* (в память Сюлли, носившего это имя), Вольтер увидел группу крестьян, восторженно читавших этот

эдикт, а один старик воскликнул: «Впервые у нас король рассуждал заодно со своим народом: человечность водила пером, а король скрепил своей подписью».

Желание, зародившееся у автора и у этого старца, повидать такого короля и такого министра, не сразу смогло осуществиться — их задержал налоговый чиновник, доказывавший со ссылками на естественное право, что «если каждая семья будет иметь несчастье спокойно вкушать свой хлеб в тени своей смоковницы, то все станут монополистами». Эти доводы «помutilи умственные органы» слушавших, кроме старика; тот заявил, что страшится монополистов не менее, чем налоговых чиновников, однако еще того более страшится ужасающей нужды и застоя, связанных со стеснениями в хлебной торговле. По его мнению, когда выгоды и невыгоды свободной закупки хлеба предложили взвесить королю, тот улыбнулся и изрек: «Господь бог сделал меня королем Франции, а никак не главным хлебодаром, хочу быть покровителем своего народа, а не его регулярным притеснителем...»

Вольтер не был бы Вольтером, если бы это не послужило поводом вложить далее в уста Людовика XVI (или, формально, в уста старика-крестьянина, излагающего королевские речи) антибиблейский выпад; следует издевка над фараоном, с помощью Иосифа обиравшим народ посредством ссуд зерна в голодные годы. «Будь у меня генеральный контролер, который бы мне предложил подобную сделку, мне сдается (да простит мне Господь!), что я прогнал бы его в деревню вместе с его тучными коровами».

Лишь после того, как эти слова потрясли всех присутствовавших, судейский секретарь отвязался от наших путников, и они смогли пуститься в дорогу.

Но прежде чем они доберутся до цели своего путешествия, а автор — до изображения «Мучной войны», задержимся на мгновение, чтобы подытожить этот пролог.

Прошло каких-нибудь 7 лет со времени «Человека с 40 экю», а Вольтер безоговорочно расстался с былым скепсисом по отношению к физиократам. Он сам — «земледелец» (землевладельцами и притеснителями крестьян были те, нехорошие, светские и духовные захватчики народной земли, которые заклеены им в средневековье, но которые бесследно исчезли из картины современной Франции). Как ни приблизился он к учению физиократов, ни малейшего намека на то противопоставление общества государству, которое было одним из бесспорнейших завоеваний их теоретической мысли⁸, мы подметить в «Диатрибе» не можем. Что касается скупщиков-монополистов, то какая же связь между свободой торговли, самой неограниченной, и возникновением «монопольщика» (monopoleur)? Этот последний ведь естественнее увязывается с обратным порядком, т. е. с системой привилегий. Вольтер нигде не заявляет этого *expressis verbis*, но приписать ему именно такую, несколько чрезмерно прямолинейную, недиалектическую, логику можно без малейшей натяжки, равно как и несколько упрощенную трактовку вопроса: «почему бы тогда каждый не стал монополистом?» То, что это абсурдное положение вложено в уста судейского секретаря, не меняет дела, и, будь у Вольтера против него реальный аргумент, он бы не преминул его выдвинуть.

⁸ См. А. М. Деборин. Социально-политические доктрины физиократов. В кн. «Из истории социально-политических идей. Сборник статей к 75-летию академика В. П. Волгина». М., 1955, 283 сл.

Дальнейшую часть памфлета придется излагать с меньшими сокращениями, поскольку в ней для нас особенно важны детали.

Приближаясь к Понтуазу, рассказывает далее Вольтер, мы с крайним изумлением увидели примерно от десяти до пятнадцати тысяч крестьян, бегавших с воем, как помешанные, и кричавших «Зерно, рынки! Рынки, зерно!» Они задерживались у каждой мельницы, разрушали ее в один миг и бросали зерно, муку и высевки в реку. Грозовым голосом некий попик ьнушал: «Разнесем все вдребезги, друзья, такова воля Божия; уничтожим всю муку, чтобы иметь еду». Приглашенный освежиться винцом, он поверяет нашим спутникам, что вместе со своими собратьями является одним из вожаков этих толп. «Получив деньги на свершение сего доброго дела, мы из опасения нехватки хлеба выбрасываем все зерно, подворачивающееся нам под руку. Мы собираемся удавить в Париже всех булочников, дабы поддержать основные законы королевства. Не угодно ли Вам присоединиться?»

В Париже путники оказались очевидцами «всех ужасов, которые совершила эта орда мстителей за погранные основные законы». «Они сплошь были пьяны, причем однако кричали, что мрут с голода».

В Версале удалось лицезреть короля и его семейство; но к автору эдикта от 13 сентября не допустил страж охраны. «Мне сдается, что то был Швейцарец, и я бы подрался с ним, будь я сильнее». Однако какой-то толстяк, выходявший с бумагами от министра, успокоил путников: «мучимый подагрой, Тюрго не принимает даже своего врача и трудится для вашего блага; возвращайтесь домой с полным доверием». Последовав этому совету, автор вместе со своим спутником поспешили обратиться вновь к обработке своих полей, «что, по нашему убеждению, и является единственным способом предотвращать голод». Однако по пути домой они вновь повстречали кое-кого из числа «тех грубых автоматов, которым было внушено разграбить Понтуаз, Шантильи, Корбей, Версаль и даже Париж». Обратившись к одному из них, явно смущенному, автор поинтересовался, какой демон довел их до этих ужасающих безумств? «Увы, сударь, могу отвечать лишь за свою деревню. Хлеба нехватало: капуцины явились выпросить половину нашего пропитания во имя божие. А на завтра пришли францисканцы за другой половиной».

«Ну, друзья мои,— сказал я им,— заставьте этих господ возделывать землю вместе с вами, и во Франции не будет более голода!»

На этом и заканчивается «Диатриба». Все, оказывается, очень просто. Совершенно темная, не разбирающаяся даже в собственных интересах и неспособная к простейшим разумным сопоставлениям деревенщина, подстрекаемая попами, в свою очередь кем-то подкупленными, совершает безобразия и нелепости. Королевская семья прогуливается по Версалу, а Тюрго мирно и героически трудится, и лишь какой-то Швейцарец препятствует его популярности. Причина нехватки хлеба сводится к праздности монашества.

Картина, как видим, достаточно далека от истины. Но вполне близка к той версии, которая сложилась вскоре вслед за тем под пером Кондорсе, Дюпон-де-Немура и других писателей физиократического лагеря. Тут и подкуп, и темные агитаторы, и уничтожение запасов хлеба, чтобы искусственно вызвать голод; тут и зависть Неккера («Швейцарец»), сочинение которого с критикой свободы хлебной торговли так некстати вышло в предмайские дни; тут и обрисовка всего движения как чисто крестьянского, и (не удивительно!) полное умолчание о каких бы то ни было репрессиях.

Однако мы знаем, что хотя Тюрго и действительно мучился подагрой, но он отнюдь не уединялся в эти дни в кабинете, а добился диктаторских полномочий и самым энергичным образом полностью реализовал их. Париж был превращен в вооруженный лагерь, окрестности наводнены войсками, и это чрезвычайное положение сохранялось до самой осени; к «мятежникам» была применена превотальная (упрощенная) юрисдикция, и как раз за два дня до даты, которой помечена «Диатриба», 18 мая, были повешены для острастки две явно случайных жертвы. Разумеется, Людовик XVI ездил на охоту, а его семья совершала прогулки, но с вторжением крестьян в Версаль связаны, как известно, совсем иные картины: бессильная стража, распахнутые решетки, запруженный двор, король в слезах, голос которого тонет в воплях бушующей толпы, унявшейся только после того, как он сам поспешил снизить цену на хлеб — короче говоря, если не генеральная репетиция, то все же эскизный прообраз 5 октября 1789 г., когда толпа явится в Версаль за «булочником» (а Вольтер еще без тени коварства заставляет в «Диатрибе» Людовика разъяснить, что он отнюдь не хлебоदार!). Нельзя считать начисто опровергнутыми и слухи о кровавом побоище на версальской дороге в один из ближайших ко 2 мая 1775 г. дней.

Нам известно и многое другое. Полицейский список арестованных в те дни, сохраненный в Бастильском архиве, показал бесспорно⁹, что движение отнюдь не было чисто крестьянским, но, напротив того, в него были вовлечены различные слои неимущего населения столицы, составляющие даже в этом списке подавляющее большинство задержанных¹⁰. Несмотря на всю выгоду для Тюрго версии об уничтожении запасов, отнюдь не это инкриминируется в бастильском деле арестованным. И хотя за различные виды «изъятия» (а то и прямого хищения) муки и зерна, а особенно за принуждение продавать хлеб и зерно по пониженной и твердой цене, привлечено всего 162 человека, но, во-первых, никому из них не приписывается уничтожение хлеба, а, во-вторых, наряду с ними 122 человека оказались в тюрьмах совсем за другие действия. Правительственные органы не только не преувеличивали размеры репрессий, но, как мы показали, уменьшали их. Число привлеченных лиц было чрезвычайно значительно. И все же представления, разделяемые Вольтером, о толпах крестьян в 10—15 тыс. человек явно — плод панического воображения. Мы способны теперь очертить гораздо более внушительное кольцо волнений вокруг Парижа, нежели то, которое рисовалось современникам, но не включим в сцену действия Шантильи или Корбей. Дело, однако, не в этих неточностях: Бомон, один из главнейших очагов волнений, настолько близок к Шантильи, а обнаруженные нами движения крестьян в деревушках Антони, Шуази, Тиэ настолько приближаются к Корбей, что писатель вполне мог предпочесть широко известные наименования знаменитого замка Конде или города на Сене. Никто не станет оспаривать и права публициста-сатирика шаржировать, да еще в фельетонном жанре, образы и т. п. Тем не менее промах Вольтера несомненен. И это существенно отнюдь не только в историко-ведческом плане (здесь вопрос решается просто — сведения не заслуживают доверия, ибо явно неточны, явно из вторых рук, явно пристрастны и тенденциозны).

⁹ ГПБ им М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание Автографов № 121, л. 287—298. См. указ. нашу статью в «Вопросах истории».

¹⁰ Согласно любезному предварительному сообщению Ж. Рюде, на основании гораздо более обширного материала парижских архивов, соотношение числа задержанных в окрестностях и в самом Париже составляет 195 : 145, что все же лишь подтверждает факт высокой активности именно городских масс.

Только ли полемический задор помешал фернейскому старцу увидеть в майских днях 1775 г. нечто большее, нежели безумства пьяных автоматов? Только ли доктрина «экономизма» ослепляла его в оценке смысла событий? Только ли привычный священный гнев против тунеядцев и обскурантов в рясах не дал ему разглядеть подлинные причины голодного отчаяния?

Чтобы разобраться в этом, необходимо прежде всего вспомнить, что Вольтер в своих заблуждениях не одинок — и не «реакционен». Он ничуть не более «антидемократичен», нежели большинство самых передовых мыслителей тех лет, и ни от кого из великих современников «Мучной войны» мы не слышим слов открытой симпатии и солидарности или хотя бы сочувственного отношения к «бунтовщикам». Очевидная демагогия парламентских объявлений, продиктованная в первую очередь оппозицией реформам, — не в счет, хотя она, на основании солидного опыта, и содержала элементы более трезвого учета нужды бедняков. Накануне «Мучной войны» яркие слова для обрисовки этой нужды нашел Неккер, что даже дало повод Чернышевскому подчеркнуть «высоту мыслей» Неккера и восторженно приветствовать его книгу, проникнутую соображениями об общей пользе, а не о выгодах каждого способного торговать хлебом. В задачу статьи не входит анализ интереснейшей рецензии Чернышевского¹¹, не раз цитируемой, но все еще ждущей своего исследователя; сейчас достаточно отметить, что, настойчиво проводя эту линию, Чернышевский все же сам подчеркивает: «Тюрго явился выше, Неккер ниже своих сочинений в своей министерской деятельности»; и в то же время для Чернышевского расправа над участниками смут, «возникших в Париже по случаю дороговизны хлеба», пятнает память Тюрго. Как бы то ни было, и какую бы роль ни сыграли в дальнейшем росте популярности Неккера (вплоть до поздней осени 1789 г.!) его выступления уже с 1775 г. против дороговизны хлеба (признававшейся всеми «экономистами», не исключая и Тюрго, неизбежной закономерной и даже благодетельной), у нас нет оснований считать Неккера хотя бы косвенно причастным к лагерю неимущих, объективно выступавших против неограниченных прав частной собственности, — сколь ни выгодно ему могло быть их боевое выступление, наглядно дискредитировавшее его соперника — Тюрго.

Но Вольтер не одинок в своем непонимании парижского народа в майские дни 1775 г., его «Диатриба» — не изолированное выступление. Она органически вписывается в ряд его высказываний тех дней. 4 мая он высылает «оратору разума и отечества» — Кондорсе — экземпляр его «Размышления о хлебной торговле», предлагает прислать ему незамедлительно еще, если нужно (издание печаталось в Женеве), и ожидает продолжения «писем в поддержку воззрения мудреца против «систем» (а так тогда величали преимущественно то, что мы зовем «надуманными схемами». — В. Л.) некоего банкира». Тяжба эта должна занимать всю нацию, даже всю Европу. «Мне очень досадно, что банкир защищает столь неправое дело»¹². Уже на следующий день Вольтер упоминает о «преступном мятеже» в Дижоне, «тайком развязанном врагами г. Тюрго»¹³. 8 мая он, явно уже информированный о событиях 2 и 3 мая, пишет видному сподвижнику Тюрго, Вэну, о своем негодовании на «глупость народа», ибо

¹¹ На книгу: С. Муравьев. Тюрго. Его ученая и административная деятельность или начало преобразований во Франции XVIII в. М., 1860. Рецензия Чернышевского помещена в журн. «Современник», 1858, № 9. Раздел «Критика», стр. 24—49.

¹² Письмо № 9392. Voltaire. Oeuvres, vol. 49, p. 296.

¹³ Письмо № 9393 к г-же де Сен-Жюльен. Ibid.

достойно варваров противиться замыслам Тюрго. «Парижане уподобляются дижонцам, которые, вопя о нехватке хлеба, побросали двести сетеве зерна в реку»¹⁴. Он продолжает декларировать свою безоговорочную солидарность: «Мы в Женеве еще не получали брехню женева Неккера против лучшего из министров, когда-либо бывших во Франции. Неккер поостережется прислать мне свой забавный пустячок (sa petite drôlerie): он отлично знает, что я не разделяю его мнения». Тюрго издавна был предметом восхищения Вольтера, и эдикт 13 сентября (о свободе хлебной торговли) кажется ему истинной мудростью и подлинным красноречием. Вот если бы Неккер сумел превзойти и то и другое, его можно было бы признать первым среди людей, и пока что Вольтер его ценит не выше, чем Вэн...

Если только можно доверять датировке письма № 9402, Вольтер уже 17 мая спешит направить тому же Вэну экземпляр, вероятно, только что вышедшей «Диатрибы»¹⁵. Переписка Вольтера за среднюю декаду мая 1775 г. восстановлена в издании Молана явно неполно, но тем не менее мы в ней еще не раз находим вполне аналогичные реакции на парижские события и другие недвусмысленные проявления безоговорочной солидарности с лагерем «экономистов», прямой угрозой господству которых являлись мучные беспорядки.

Однако только ли в «партийной пристрастности» или в доктринерском ослеплении тут дело (кстати, не только у Вольтера, но и у самих физиократов)? Видимо, были в самом историческом явлении черты не только неприемлемые, но и непонятные, — если угодно, недоступные пониманию — не только средним, но даже бесспорно выдающимся умам (и сердцам). Было бы непростительным упрощенчеством возводить все к инстинктивной ненависти собственников к неимущим, на эту собственность посягающим, и мы вполне заслужили бы упрек в вульгаризации, если бы прямолинейно выводили воззрения, позицию, а то и действия Вольтера и физиократов (а на другой исторической ступени — Кондорсе и ряда жирондистов) из шкурных классовых интересов. При всей наивности выпадов и ссображений Вольтера, он вовсе не инстинктивно реагировал на события, подобные «Мучной войне», или на теории Неккера. И дело не только в том, что в качестве помещика Ферне и Турне, с одной стороны, и естественного влиятельного патрона жителей всей области Жекс — с другой, он не раз практически сталкивался с вопросами снабжения, ограничений торговли и т. п. Он несомненно проявлял интерес и к теоретической стороне зерновой проблемы: недаром в его библиотеке мы находим немало сочинений и о системах помолы и о свободе хлебной торговли¹⁶, — и нельзя

¹⁴ Письмо № 9394. Voltaire, Oeuvres..., vol. 49, p. 296. Все это мимоходом и, скорее в тоне презрительного осуждения наравне с осуждением такой глупости дижонцев, как приравнение стиля Кребийона расиновскому.

¹⁵ Ibid., p. 305. Точная дата напечатания «Диатрибы» не установлена, имеется издание, датированное якобы 10 мая, а сведения в донные изданной переписке Вольтера тех дней не лишены противоречивости.

¹⁶ Назовем в качестве примера E. Béguellet, Mémoires sur les avantages de la mouture économique et du commerce des farines. Dijon, 1769 и еще три сочинения этого же автора по смежным вопросам, все — 1775, причем одно — с дарственным автографом; N. de Saussure. Essai d'un moyen de prévenir les disettes de blés qui affligent si souvent la plus grande partie de l'Europe. Genève, 1772; P.-J.-A. Roubaud. Représentations aux magistrats, contenant l'exposition raisonnée des faits relatifs à la liberté du commerce des grains, & les résultats respectifs des réglemens, & de la liberté. (Paris), 1769; Cl. Dupin. Mémoire sur les bleds, avec un projet d'édit pour maintenir en tout temps la valeur des grains à un prix convenable au vendeur et à l'acheteur. (Paris), 1748; M e s s a n c e. Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon, de Rouen, et de quelques provinces et villes du royaume, avec des réflexions sur la valeur du bled tant en France qu'en Angleterre depuis 1674 jusqu'en 1764 Paris, 1766; M. A. von Plein-

допустить, что все они сплошь попадали к нему лишь в порядке случайных авторских подношений; а об указе 13 сентября 1774 г. Вольтер сам написал брошюру.

А. Юнгу никто не откажет ни в экономической осведомленности, ни в наблюдательности, ни в практическом складе ума; однако же его рассуждения об ограничениях спекуляции хлебом, вводимых революционным правительством уже в самый разгар нужды и борьбы народа против скупщиков, ничем не отличаются от концепций лагеря «экономистов» 1775 г. Ни образованность, ни пламенная приверженность к прогрессу, ни гуманные принципы не помешают Кондорсе в роковую для него весну 1793 г. упрямо защищать в Конвенте ничем не ограниченное право собственности — в те майские дни накануне падения жирондистов, когда со всей остротой жизнь поставила вопрос о дороговизне; можно вспомнить при этом и титул маркиза и логику партийной борьбы, но все это не отменяет и даже не заслоняет самого факта органической неспособности увидеть социальную правду, воспринять реальные интересы масс. Для нас тут существен не вопрос о субъективных побуждениях и объективной роли, а чрезвычайно наглядное проявление классовой ограниченности, в данном случае — даже выдающихся представителей буржуазии и притом в момент ее восхождения.

Идеология физиократов во многом опередила раннее просветительство; теоретически (например, в различении, столь важном в данном случае, общества и государства) они подчас были сильнее Руссо. Но, как известно, воздавая им все должное, Маркс прозорливо отметил, что они рядили капитализм в феодальные одежды, т. е. к пониманию социальной структуры общества подходили, смотря не вперед, а назад¹⁷.

«Феодальная видимость» заслоняла действительность и от Вольтера, как и от множества современников (и даже очевидцев) «Мучной войны». Старые противники еще не были разбиты, и пафос борьбы против них не стал пустой фразой — фернейский «злой крикун» бросился в бой при первом известии об угрозе программе прогрессивных реформ, воплощенных в самом имени Тюрго. Но картина, им нарисованная, оказалась настолько неправдоподобной (хотя в основных чертах совпадала с официальной версией), что даже упомянутые выше цензурные гонения не смогли наделить ее популярностью хотя бы в среде почитателей фернейского патриарха или министра-реформатора.

Известную роль в этом сыграло то, что, не сумев рассмотреть истинное лицо «смутьянов», требовавших тарификации хлеба или в тех или иных формах демонстрировавших свой протест против его дороговизны,

---

c i z. Dissertation phisi-économique, ou Nouvelle façon de conserver le blé, le froment, et autres denrées semblables pendant bien des années, etc. Vienne, 1769; Cl.-J. Herbert. Essai sur la police générale des grains, sur leur prix et sur les effets de l'agriculture, Berlin, 1757 (с пометками Вольтера); Saverio Manetti. Traité de diverses sortes de grains et de pain (в «Description des arts et métiers», N. e., Neufchâtel, 1771, p. 521—628); G a l i a n i. Dialogue sur le commerce des bleds. Londres (-Paris, Berlin) 1770 (с пометками Вольтера); имеется книжка Parmentier 1772 г. о растительных суррогатах зерна для изготовления хлеба и даже ордоннанс 1649 г. о зерне и муке. Что касается двухтомного сочинения Неккера, названного Вольтером, как отмечалось выше, «забавным пустячком», то библиотека Вольтера хранит экземпляр с весьма обильными его читательскими пометками, о которых мы рассчитываем специально рассказать в другой раз. Но здесь нельзя умолчать о том, что Вольтер читал и сохраненную в его библиотеке книжку. J.-B.-L. Coquerneau. Mémoires de l'abbé Terray, etc... avec une relation de l'émeute arrivée à Paris en 1775. Londres, 1776.

¹⁷ Ср. в последней обобщающей работе по этому вопросу, в указ. выше статье акад. А. М. Деборина, в сборнике статей в честь акад. В. П. Волгина, стр. 287.

Вольтер, сбившись на привычную стезю антиклерикальной сатиры, не сумел заметить и расслоения среди сельских священников, неожиданно значительное участие которых в «Мучной войне» поразило современников.

Правда, в этом отношении Вольтера и доныне не опередила буржуазная историография, которая располагает гораздо большим запасом сравнительного материала, нежели он имелся в распоряжении автора «Диатрибы». Многочисленные собранные нами данные, характеризующие своеобразие уличных выступлений того времени, устанавливают с несомненностью не просто аналогию внешних черт (что исторически было бы весьма малоубедительно), но именно факт глубокого параллелизма. Из бесчисленного ряда примеров приведем следующие: во время волнений 1771 г. в связи с реформой Мопу, парижские массы выступают с требованиями уничтожить налоги и снизить цену хлеба до 2 су; во время возмущений в марте 1789 г. в Нижнем Провансе манифестанты разгромили общественные амбары, потребовали установления таксы на продовольствие¹⁸; в жерминале 1795 г. в целом ряде пунктов вокруг Парижа — разграбление мельниц, раздача мешков муки, задержка транспортов зерна и т. п.¹⁹ Мы умышленно называем относительно мелкие случаи и притом вне основной их массы в Париже 1789—1794 гг.²⁰

То, что тогда готовы были считать случайным, нелепым, слепой яростью или безумием невежд, доныне еще полностью не расшифровано. Мы же, исходя из известных положений Ленина о «стихийном элементе» как зачаточной форме сознательности²¹, склонны видеть тут чрезвычайно любопытные если не элементы, то зародыши и первые ростки как уличных демонстраций, так и программ «генерального максимума» и иных проявлений зарождающегося классового самосознания.

Парижане 1775 г. могли этого не подозревать, более того, не могли об этом подозревать — но поверить в правдивость нарисованных Вольтером образов «пьяных автоматов» уже не могли.

А насчет роли духовенства в подстрекательстве к мятежу (разумеется, понимаемому как бунт именно против Тюрго) слово пришлось взять не кому иному, как Кондорсе. Уже в примечании к Кельскому изданию сочинений Вольтера он шел нужным, поддерживая общую позицию «Диатрибы», категорически отвергнуть версию о сельских священниках как зачинщиках волнений²². Только ли потому, что это шло вразрез с тактикой Тюрго в 1775 г., который одновременно с подавлением волнений обратился — к великому недовольству церковных властей — именно к духовенству с предложением воздействовать на паству в духе покаяния за совершенные разгромы и с призывами возвращать лохищенное зерно? Сама необычность этой меры, сопровождавшейся поощрениями, вызвала изумление современников. Оправдала ли она себя практически в сколько-нибудь широких масштабах, судить трудно. Но она преследовала цель не только морального воздействия, но и опровержения просочившихся сведений о том, что какие-то связи с духовенством у поднявшихся на борьбу крестьян были; фигуры сельских священников среди крестьян — не плод

¹⁸ J. Egret. La prérévolution en Provence. «Annales historiques de la Révolution française», № 135, avril — juin 1954, p. 122.

¹⁹ R. C. Cobb. Les journées de germinal an III dans la zone de revitaillement de Paris. «Annales de Normandie», 5e Année № 3—4, oct.—déc. 1955, p. 234.

²⁰ Существенное сходство «Мучной войны» с рядом движений 1789 г. бросалось в глаза их современнику, автору сборников «La Bastille dévoilée», см., напр., livraison IV, p. 60.

²¹ В. И. Ленин. Что делать? Соч., т. 5, стр. 346.

²² См. сноску на стр. 369 29 тома сочинений Вольтера в издании Молана.

фантазии Вольтера; он легко мог прослышать о том, что в числе арестованных были и кюрэ. Впредь до ознакомления с хранящимися в Париже материалами допросы мы не решимся на прямые выводы, но обойти молчанием нельзя даже те разрозненные данные, которые дошли до нас в виде выдержек из полицейских архивов, приведенных в сборнике 1789 г. «La Bastille dévoilée». Автор его уверен, что без труда можно найти связь между «зажигательными проповедями» этих сельских священников 1775 г. и антипатриотическими посланиями «наших епископов 1789 г.». Мы в этом не уверены, да и приводимый им материал не свидетельствует ни о специальной реакционной направленности действий, инкриминируемых этим кюрэ, ни, тем менее, об их призывах к гражданской войне. Но, очевидно, что некоторые из них были недвусмысленно солидарны с крестьянами-бедняками.

В числе первых в нашем бастильском списке фигурируют 79-летний Франсуа Паскье, священник в Шеври, «слегка подозреваемый в том, что разжигал беспокойство» и Жан-Франсуа Жуффруа, кюрэ в Ферроли, обвиняемый в том, что «благоприятствовал и даже помогал своим прихожанам в изъятии зерна у соседних фермеров». Если эти двое находились под арестом с 9 по 23 мая, то только 7 июня был посажен и лишь 17 июля выпущен Ф.-Э. Тирель де ла Мартиньер из Санлисского диоцеза, который «убеждал своих прихожан, и притом с амвона, не производить тех возмещений за зерно, купленное в принудительном порядке и по чрезмерно умеренной цене, которые предписывались королевским ордонансом». С 3 июня по 20 июля сидел в тюрьме аббат Жиль Де Ларю, из шартрской епархии, «побудивший нескольких человек отправиться на базар в Дрё, где, по его словам, происходил бунт, что и случилось». А. Жан-Шарль ла Кавелье, кюрэ в Паннилёз близ Вернона, содержался под арестом с 17 июня по 26 июля за «речи», клонившиеся к возбуждению «бунта ради хлеба», в том числе «за речи, которые он держал мужчинам и женщинам своего прихода, вернувшимся с рынка в Верноне без зерна и которым там в нем отказали: да разве у вас не было палок?». — С 20 июня по 28 августа находился в заключении Пьер-Клод Дурдан, кюрэ в Гурнэ на Марне. Он «сотрудничал с возмущением, поднятым из-за хлеба». Когда двое «обратились к нему за зерном, он их направил к г. Дюфрену, куда они и явились и заявили, что они пришли от его имени». «Кроме того, ему вменялось в вину то, что в проповеди он недостаточно почтительно выразился о короле и его министрах; он заявил, что разгромы зерна произошли быть может и не по вине короля, но лишь по вине его министров, что король-де еще молод и это беда поправимая, но сам-то он добр, да вокруг него министры, мешающие ему творить добро и поддерживающие дороговизну хлеба. Как-то в пылу проповедничества он с пастырской кафедры выразился об этих министрах и более крепким словом»²³. Если в этом последнем случае и можно — не без натяжки — усмотреть специфически антифизиократическую направленность (хотя здесь явно сквозит совсем иное), то всё же впечатление несомненной «неблагонадежности» ряда сельских клириков кажется обоснованным. Однако неблагонадежность надо понимать вовсе не в том реакционном смысле, который предполагал Вольтер. Это нисколько не должно нас

²³ «La Bastille dévoilée», t. IV, p. 54—60. Упомянут еще один кюрэ (тоже из Бри), Жан де Бон, но автор признает, что его догадка о тождественности вины не подкреплена из-за невозможности найти материал его допросов. По сведениям, приводимым Функ-Брентаво (F u n k - B r e n t a n o. Lettres de cachet, № 5032), это лицо тоже привлекалось по делу о беспорядках «на рынках зерна». Этот справочник подтверждает и уточняет также и все приведенные выше сведения.

удивлять. Расслоение низового сельского духовенства, проанализированное Энгельсом для времени Великой крестьянской войны, происходило на всех этапах феодальных порядков, обнаружилось оно и в 1789—1790 гг. Этот процесс породил и трагическую фигуру Мелье, он порождал и эпизодических попутчиков крестьян. Слишком широкое обобщение здесь было бы неправомерным (и вероятнее всего, что реально часть пастырей совсем иначе отнеслась к революционной практике своих прихожан). Но и обобщение, вылившееся из-под быстрого пера Вольтера²⁴, во всяком случае оказалось слишком нереалистическим, и можно полагать, что и это обстоятельство в какой-то мере подрывало привлекательность «Диатрибы к автору „Эфемерид“»²⁵. Да и адресат ее в свою очередь именно в дни «Мучной войны» нанес ущерб своему авторитету тем, что представил королю доклад, в котором содержались неподтвержденные обвинения Сартина в содействии организации беспорядков²⁶.

---

²⁴ В письме к своему лучшему другу уже 1 июля (№ 9414) Вольтер называет «Диатрибу» всего лишь шуткой и признается, что ему очень стыдно, что он забавлялся по поводу столь серьезного дела. Впрочем, эта перемена вызвана тем, что он прочел «Письма» Тюрго о хлебной торговле («Lettres sur les grains, écrites à M. l'abbé Terray», 1775), глубоко его взволновавшие (см. *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 49, p. 37; там же новые восторженные похвалы Тюрго).

²⁵ Нельзя упускать из виду, что запрещения цензурного порядка обрушились на «Диатрибу» еще при всесилии Тюрго; если учесть обстановку в летние месяцы 1775 г., то придется признать, что Тюрго был озабочен не только тем, чтобы устранить непочтительные выражения о предках короля в недели, ближайšie к его коронации, но и такими упоминаниями о духовенстве, которые слишком легко было использовать ему во вред.

²⁶ К моменту печатания настоящего сборника безусловно необходимы следующие дополнительные справки.

Ж. Рюде опубликовал очень содержательную сводку о Мучной войне (G. R u d é. *La taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne*. «Annales historiques de la Révolution française», avr.—juin 1956); в частности там уточнена и топография крестьянских волнений (ср. выше; стр. 141). Примеры же, приводимые нами на стр. 145, восполняются, кроме названной в сноске 19 статьи Р. Кобба, еще в двух работах: R. C. C o b b et G. R u d é. *Les journées de germinal et de prairial an III* («Revue historique», oct.—déc. 1955, 250—281) и R. C. C o b b. *Politique et subsistances en l'an III. L'exemple de Havre* («Annales de Normandie», 5e Année, № 2, 1955, 135—159).

Тематически связанные материалы

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией

А.Собуль. Философы и Французская революция

Х.Момджян. Французское Просвещение XVIII века: очерки

Персоналии

ВОЛЬТЕР <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>